

Геннадий Суджис

**ОСТАНОВКА
«ЖИЗНЬ»**

Геннадий Алексеевич Суджин

Остановка «Жизнь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74058022

*Остановка «Жизнь»: сборник стихотворений / Г. Суджин: Союз писателей; Новокузнецк; 2025
ISBN 978-5-00255-253-5*

Аннотация

Наша жизнь – только краткая остановка среди вечности собственного небытия для прекрасной возможности созерцания и участия в существовании живительного зелёного оазиса Земли в величайшем пространстве Вселенной. Здесь, на этой экзистенциальной остановке, мы живём, рождаясь, умирая, растём и старимся, любим и негодуем, наслаждаемся и страдаем. В размышлениях над событиями прошлого, в поисках смысла будущего проходит наша жизнь. В новой книге стихов Геннадия Суджина многие наши повседневные переживания, попытки осмысления прошедшего, происходящего и будущего реализованы в поэзии через красочные метафоры и аллегории водоворотом романтических эмоций, ностальгии по счастливым временам, по упущенному невозвратно, по ушедшим людям. Каждый в этой книге увидит что-то от своих собственных глубинных воспоминаний, встреч, разлук, горестей, радостей, любви. Вдумчивые, метафоричные, иногда меланхоличные стихи

Суджина вновь и вновь напомнят нам о том, что остановка «Жизнь», на которой мы все сейчас одновременно находимся, и есть именно то место, где вопреки всему, что было, есть и будет, нам всё же бесконечно хочется остаться.

Содержание

Сборник стихотворений	7
«Упала тьма, закрыв собою мир...»	8
«В зрительском зале я только один...»	9
«Большие деревья как отцы и матери...»	11
«В словах отсутствует ключ соль и смысл...»	14
Расулу	15
«Звук сирен словно зов революций...»	16
«Пришла и пустотой дохнула...»	18
«Набив в двадцать пять...»	20
«Колышутся тени средь буден...»	22
«Мгновение нельзя убить. Оно...»	23
«Хочу дождя, чтоб лил три дня без перерыва...»	25
«Пугает темнота перегородки...»	26
«Господь даёт здоровье дуракам...»	28
«Встань и иди, и падай, и вставай...»	30
«Мчится жизнь, на бегу дробя...»	31
«Видит Бог, много времени минуло...»	32
«Прибиты руки, ноги к деревянному кресту...»	34
«Гуляет бог Морфей по небесам...»	36
«И вот морозец юный впопыхах...»	38
«Унылый дождик! Снова грусть свою...»	40
«Над Невою Ростральные дивы...»	42
«Ты будешь мечтать о родимых стенах...»	45

«Я уже не голодаю...»	46
«Нам в восемнадцатом году ввели чемпионат...»	48
«Унёсшие тепло камней сомкнулись капли...»	49
«Я сквозь столетия Вселенной...»	50
«Ты устал, всё приелось до чёрта...»	52
«Сегодня, впрочем, как вчера...»	55
«Не до стихов! Нас умучила проза...»	57
«Меня мучила язва...»	59
«Вдоль ручья растёт трава...»	62
«Она была интальяй божества...»	65
«Некогда, некогда, некогда мне...»	66
«Отличники, приличники...»	68
«В душах, твоей и моей, – единения сила!..»	70
«Тяжело одиночеству...»	71
«Сойду на полустанке, чтобы снова...»	73
«В этой комнате нет и намёка...»	75
«Ты дышишь осенью позднейшей...»	77
«Однажды просто вызови меня!..»	78
«Поверхность у стекла изрядно искажает...»	80
«Походку нам не изменить...»	82
Мандельштаму Осипу	83
«К нам приходит однажды пора...»	84
«Когда бы не было меня, светило бы светило?..»	86
«Я никем становлюсь каждой ночью во сне...»	88
«Мы помним всё! Давно и безнадёжно...»	89
«Был я женщиной в прошлой своей ипостаси...»	90

«Прошёл Новый год, повторился как данность...»	92
«Однажды утром ты проснёшься...»	94
«Крестила мужа женщина с утра...»	96
«Мы часто в суете беспечной...»	98
«Я тебя за всё прощаю...»	102
«Ёлка снова прелесть...»	103
«О камни волны бились языками моря...»	105
«Сумасшедствующий ветер – гений...»	107
«Всем народом на зарядку!..»	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Геннадий Суджин
Остановка «Жизнь»:
сборник стихотворений

*Моей жене с благодарностью и любовью
посвящаю!*

Сборник стихотворений

**СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ**

От идеи до тиража

© Суджин Г., текст, 2025

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2025

© ИП Соседко М. В., издание, 2025

«Упала тьма, закрыв собою мир...»

Упала тьма, закрыв собою мир.
Громады виснут, предвкушая пир.
Беззубой тучи поразверзлась пасть,
Готовясь грозно на меня упасть.

Трезубец огненный сполох вонзил
В небесный купол, пополам разбил.
Смешал лицо земли в единый ком,
Раскатом ужаса небес влеком.

Стою в бесчинствующей красоте.
Природы мощь в кромешной темноте
Падёт на землю, глазу не видать.
А в душу льётся Божья благодать.

«В зрительском зале я только один...»

В зрительском зале я только один,
А на подмостках – вселенские дивы.
И веселы, и жеманно спесивы.
Труппа из гениев злобна и лжива,
Каждый как будто над всем властелин.

Слух ловит музыку из-за кулис.
Рёв самолетов сменяется плачем.
Двери скрипят вслед за лаем собачим.
Голос звучит, и спектакль уже начат,
И представления рампы зажглись.

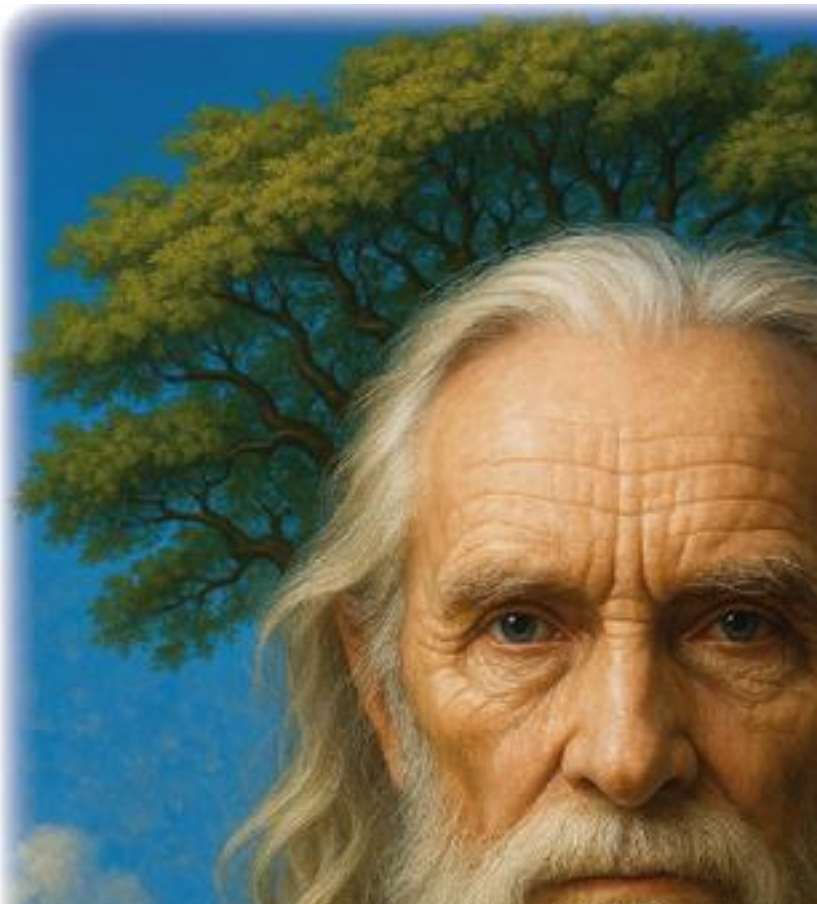
Годы проходят – спектакль всё идёт.
Из отщепенцев выходят элиты,
Пойлом искусные глотки пропиты,
Совесь и честь в банки грязные слиты,
И птица счастья уже не поёт.

Акты сменяются, время летит,
И декорации ставят по кругу,
Жмутся артисты на сцене друг к другу,
Тянутся лица к востоку и югу,
Титры мелькают размером в петит.

Силой искусства я к креслу прижат,
Мозг очарован реальностью темы,
Перемежаются дни и проблемы,
Близкие люди, удачи тотемы —
Губы и веки от страсти дрожат.

Средь небывалости душ и ума
Смутно маячит у времени в окнах,
Нитью таинственной повести соткан,
Кривдою, правдою, истиной скомкан,
Сон мой – прижизненная кутерьма.

**«Большие деревья
как отцы и матери...»**

Большие деревья как отцы и матери,
Смотрят на нас с укором и ожиданием,
А мы выражаемся под ними матерно,
Но ведь мы как они – лишь Божьи создания.

Перекличка чудес вне нас продолжается,
Снова входят в моду изыски старателей,
А иные так, бедолаги, и маются
Ипостасями сирых, вечных искателей.

Так разнузданностью путаница вносится
В обозримом пространстве державы-времени,
Что и здравый смысл ко безумью уносится,
Во всеобщем бытийном и слёзном бремени.

Чаша моря, до дна кишашая тайнами,
Наверху отрыгается неугодными.
И те, кто пойманы, становится явьями,
Совладельцами таинственностей подводными.

Что мы знаем о жизни своей нечаянной,
Верящей в нас верой в своё продолжение?
Только то, что живём на земле отчаянно,
В этом мире с рождения до забвения.

Лишь большие деревья мудры в прозрении,
Им равно, что под ними мы дурью маемся.
И стоят они в таинстве сотворения,

Где мы умными лишь быть стараемся.

«В словах отсутствует ключ соль и смысл...»

В словах отсутствует ключ соль и смысл,
Где какофонией разлита мысль
В мелодии рассудочности нот,
Где ум, возможно, даже не живёт.

Вещают люди, правду говорят
И совести верстают звукоряд.
И верят в эту истину свою
И снова какофонию поют.

С рождения до доблестных седин
Ты истине своей лишь господин.
Но лишь тогда ты обретёшь успех,
Когда поделишь истину на всех.

В большом оркестре каждый инструмент —
Симфония, концерт, дивертисмент
И роль его – история ключ соль,
Как смысл словесный – горькой правды роль.

Расулу

Орлом слетает мысль с вершины гор
И гордо над землёю проплывает.
Дорога взрытая тревог узор
Вплела в ухабы, мирно почивая.

В котомку бросил мудрости ломоть,
К седлу азарт и смелость приторочил,
Храня в ладонях доброты щёпоть,
И щедрость горца сердцу напропорочил.

За всадником парнасские хвощи
Плелись понуро мелочным сословьём.
И ты меня за правду не взыщи,
Расул, что горькой истиной злословлю.

Оставил нас полёт твой на земле.
А те, кто в облаках, над нами встали.
Под крик бессмертья белых журавлей
Мы обелиск тебе до неба ставим!

«Звук сирен словно зов революций...»

Звук сирен словно зов революций.
Над страной встаёт кипучий
Летний день, становящийся куцом,
Правда, на всякий случай

Ждут взамен телефонов пустоты,
Торричелевые казематы,
В коих разума сон с дремотой
Вслед кощунственному разврату.

На обломках совковой хрени
Всё жирнее живут буржуи,
Всё искусней их рвеньё к лени,
Под затяжку супоней в сбруях.

Какофонии рёв размастых
Правдорубов, оракулов века
Словно ливень с небес глазастых,
Убаюкивающий человека.

Переулками бродит бездушьё,
Предрекая зажить по-барски.
Но курок арбалета спущен,

И стрела вас убьёт по-царски.

«Пришла и пустотой дохнула...»

Пришла и пустотой дохнула,
Взглянула, села у окна,
Как будто время обманула
И душу выпила до дна.

Друзья уходят, отступая
От линии передовой,
А мы живём, живём, не зная,
Когда он, наш последний бой.

Тоска как боль гнетёт в молчаньи,
Терпеньем выстилает дни.
Лишь встречи в терпких расставаньях
Небесным звёздочкам сродни.

Мы часто в слабости минутной
Тоскуем, сетуем, скорбим.
А солнце снова всходит утром,
И мир по-прежнему любим.

Пускай в ходьбе устанут ноги,
Нам остаётся цель одна:
Налить себе вина в дороге
И осушить бокал до дна.

«Набив в двадцать пять...»

Набив в двадцать пять

Фарисейством карманы мозга, я,
Свой прыщавевший поостудив пыл,
Занесённый брошенным окурком в чужие края,
Беспризорным и сирым один по чужбине бродил.

Набегавшие волны знакомств и соседств

Безучастной толпы вымывали

из горла застрявшие фабрики слов,
Предвосхитивших смысл одиозности фабрики средств,
Понимания меры добра из отроческих снов.

Сорок унций щедрот на ладони,

опущенных миром извне,

Продырявили душу наследием духа дедов на бегу.
И хватило в трудах и поту заблудившему мне
Сорок мер перемерить, оставшись на том берегу.

Где пылала кострищем растления в корчах страна,

И бездушное жадное, злое, чужое вокруг

Проникало в нутро, как голодный упырь сатана.

И ему всё сходило со скрюченных алчностью рук.

Там трещала по швам справедливость,

«Колышутся тени средь буден...»

Колышутся тени средь буден.
Но это не тени, а люди.
Но это не люди, а тени,
Снующие в вечном смятении.

Проносятся мимо друг друга,
Как лошади ходят по кругу,
И прячут глаза в телефоны,
Послушно живя по законам.

Законы те пишут иные —
Хитрющие, жадные, злые,
Чтоб жили в смятении буден
На тени похожие люди.

«Мгновение нельзя убить. Оно...»

Мгновение нельзя убить. Оно
От выстрела всегда отделено.
Нет прав мгновенье пулею догнать —
Вещественностью время обкорнать.

Сейчас и здесь звучат шаги, и сон
Размазан по стене былых времён,
В которых явь сопутствовала нам
По четырём известным сторонам.

Когда мы молоды, глупы и веселы,
На время не наставлены стволы.
Мы дружим с ним в обнимку, ставим чай,
Дерзить не смеем, даже невзначай.

Но перевалит лишь немного «за»,
И время отключает тормоза:
И гонит, и торопит, и гнетёт,
И с уменьшеньем нас оно растёт.

Запалит серой мудрости кальян,
В плечо воткнёт усталости реглан.
Мгновение нельзя догнать. Оно
Пожизненно от тел отделено.

«Хочу дождя, чтоб лил три дня без перерыва...»

Хочу дождя, чтоб лил три дня без перерыва.
Чтоб тучи не худели, не смеркалось небо.
Чтоб ветер в клочья рвал их мрачные нарывы,
И гром гремел литаврами забавой грозной Феба.

Прохожие пускай под чёрными зонтами,
В одеждах скрыты безнадежностью погоды.
Потоком серым пусть вскипают под мостами
Коктейлем грустным в монотонном шуме воды.

Пускай слова оставят мой гортанный шёпот
С отчаяньем, не вырвавшимся вдруг наружу.
Сольётся капель шум в протестный робкий топот,
И дождь, проплакавшись, слезой излечит душу.

Пусть прежнего меня не будет между вами
С пунктиром слов, с молчаньем междометий.
И пусть я сам, как дождь, прольюсь его слезами,
Чтоб не казалось мне, что счастья нет на свете.

«Пугает темнота перегородки...»

Пугает темнота перегородки
В отмерянном пространстве злого века,
С печалью Леты и Харона лодкой
Во внутреннем убранстве человека.

Но что с того? Не волки мы, не волки,
И не живём по волчьему закону,
И спрыгнуть не дано нам с этой полки,
Не выпрыгнуть из этого загона.

Когда с самих небес сочится мирра
И пробует до чуда достучаться,
Горгона выбирает жертву мира,
Один талант останется – спастись.

Не ем я, и не пью я, и не сплю я,
На голубой качаясь аппарели,
Где в горделивом мареве пустует
Мой человеческий образ акварельный.

Ни кости грызть, ни горло перерезать
Нам не дано, не волки мы, не волки.
Мы тихо убиваем все железом,
Оставшись человеками на полке.

«Господь даёт здоровье дуракам...»

Господь даёт здоровье дуракам
И бережёт юродивых и пьяниц.
А тем, кто курит, дарит табака,
Кто женится, тому кольцо на палец.

Удачей настигает рыбака,
Восторженно искрясь хвостом тайменя,
А к чукче Бог несёт издалека
На крыльях изумрудного тюленя.

И детям радость дарит в Новый год,
Подбрасывая чудеса под ёлку.
И посыпает сном полночный свод,
Крестясь среди звёзд в загадочных иголках.

И в промысле том надо успевать
Кого-то приструнить, кого не сглазить,
Всех рассудить, помочь и наказать,
А больше по любви и по согласью.

И подпирать перстом небесный свод,
В созвездьях восстанавливать порядок,
Чтоб Млечный Путь, искристый крестный ход,

К нам в августе пролился звездопадом.

И спрятаться сумеь во всех углах,
Чтоб не нашли, но чтоб искали вечно
По судьбам, в душах, в снах, и в головах,
Молясь, взывая к Богу бесконечно.

Олимп стеклянный, грозный шар судьбы,
Над полевыми бороздами всходов,
Так и бредём под сенью ворожбы
Чредой твоих закатов и восходов!

«Встань и иди, и падай, и вставай...»

Встань и иди, и падай, и вставай,
Под небом ржавым сер приют скитальца.
Там воли вволю, власти каравай
И совести кураж сквозь злые пальцы.

Там мельницу не старят жернова,
Там все надрываются знамена.
И на полосках сжатых не трава,
А колоски, упавшие со звоном.

Нить Ариадны выведет наверх,
На изумрудно-факельные фьорды,
И пролетит над головою стерх,
И зазвучат венчальные аккорды.

Встань и иди! В ветрах познаешь всласть
Невиданную синеву прозренья.
И страх пред тем, чтоб снова не упасть,
Искупится любовью и прощеньем.

«Мчится жизнь, на бегу дробя...»

Мчится жизнь, на бегу дробя
На мгновения время все.
И бегу я, себя любя,
Ещё больше тебя люблю я.

Волны милых твоих волос,
Теребя мою душу, вьются.
Я не ангел и не Христос,
Но они обо мне пекутся.

Пробивает стеснения бинт
Мне горячая кровь желаний,
И осилю я лабиринт,
Сердце выведу из терзаний.

Проливает свой свет Луна,
Улыбаясь сквозь мглу земную.
Я иду, этот мир любя,
Еще больше тебя люблю я!

«Видит Бог, много времени минуло...»

Видит Бог, много времени минуло,
Где язык заплетался порой,
Клёны листья последние скинули
Под забытой игривой горой.

Дни ненастья построились в осени,
А в смятении туманов зима.
И приветливым солнышком сосенным
Согревались весною дома.

Волочились пригожие, клёвые,
Бесконечно счастливые дни,
И два ангела в келью медовую
Упорхнули, оставшись одни.

Бесконечностью танца прощенья
И сплетением рук и сердец
Оставался причудливым гением
Наш свидетель – небесный Творец.

Я люблю тебя, девочка милая,
И копну твоих рыжих волос
В самом сердце неведомой силою

Десять лет по дорогам пронес.

Зацелую бездонные синие
Два сапфира твоих милых глаз,
Пусть покрылись виски белым инеем —
Впереди ещё вечность у нас.

«Прибиты руки, ноги к деревянному кресту...»

Прибиты руки, ноги к деревянному кресту.
Впиваются терновые шипы в чело Мессии.
А Бог молчит, не внемля умиравшему Христу:
Родной Отец наказывает Человека-Сына!

Ужели в мире человеческом могло так быть?
Потворствовал ли Бог убийству Сына среди людского
Невежества, жестокости, желания убить?
Терпел ли смерть единственного, близкого, родного?

Зачем нужна была чудовищность картины зла?
Кому так важно было обнародовать страдания?
И казнь невинного Христа кому нужна была
Под вековой акафист сожаленья и стенанья?

Не есть ли в этом умысел, расчёты и обман?
Не ложь ли все, придуманная хитрыми жрецами,
В порочности позарившихся на чужой карман,
Использовавших истинного Бога с Небесами?

Собирает похотливой дланью паства свой приход
И ослепляет разум, ловко душам грех вменяя,
Пороки насаждая в человеческий чистый род,

И торбы праведности десятиной набивая.

Я утром пробуждаюсь и встаю. И жить иду!
И прославляю солнце, ветер, дождь, луну и звёзды.
Встречаю горе, счастье, иль несчастье, иль беду,
И пилигримом колыбелию времени бреду.

Когда в скитаньях терпких исстрадается душа
И приползёт к Божественной епитимье осмысленья,
Пусть не останется в кармане тела ни гроша,
И пусть к себе Бог заберёт меня без сожаленья!

«Гуляет бог Морфей по небесам...»

Гуляет бог Морфей по небесам,
С луной в руках, весь звёздами сверкая.
Раскидывает сны морям,
Лесам, планету одеялом укрывая.

Вращает землю Хронос – бог времён
И начисляет годы жизни нашей.
А Эрос дарит нам любовь как сон,
А Гименей – семейственности чашу.

С рожденья боги охраняют нас.
Даруют нам и радость, и свободу.
И помогают нам в урочный час
На счастье человеческому роду.

Но кружится планета, вновь и вновь
Напоминая всем, богам и людям,
Что есть один на свете бог Любовь —
Единый бог, в котором всё пребудет!

Он – первое свидание твоё,
Багряного заката полыханье,
И тишина над скошенным жнивьём,
И поцелуя первого дыханье.

Повсюду он с тобою был всегда —
С рождения в сердцах отца и мамы.
Он жил в тебе как пища, как вода,
С насущностью трагедии и драмы.

Он в детском крике, в солнечных лучах,
В улыбке шаловливой глаз любимых.
Грустит, смеётся, плачет при свечах
И молится за нас, покуда спим мы.

Так, повинясь судьбам, мы бредём
По монастырским тропам и дорогам
И, пилигримы мы, в себе несём,
Любовь земную – как частицу Бога.

«И вот морозец юный впопыхах...»

И вот морозец юный впопыхах,
В ночи блуждавший по полям и рощам,
Уже стоит с парком у рта в сенях
И с нами о судьбе и жизни ропщет.

Торопятся на рынок земляки,
Планируя воскресный шопинг жёнам.
Хрустит ледок по краешку реки,
И пахнет воздух молоком сожжённым.

Была бы пруть, подобная лучам,
Скользил бы по первейшим блёсткам снега,
Искрясь от солнца радостью в очах
И душу убажая зимней негой!

Где дремлет одиноко городьба
И охраняет пустошь грядок голых,
Встречает утро леса голытьба
Несмелой дрожью в первый зимний холод.

А где-то на земле идет война.
А где-то спеют манго и бананы.
А где-то есть счастливая страна,
Где нет ни войн, ни хамства, ни обмана.

Нет времени вселенского быстрее.
Небыстро звёзды гаснут и тускнеют.
Была судьба народов и царей —
Никто им изменить её не смеет.

Я утром в эту красную зарю,
Морозный пар и зимний дух вбирая,
Как зачарованный на мир смотрю,
Тихонечко от счастья умирая.

И так понятно суетному мне
Вдруг станет в глубине небесной сини,
Что я живу в счастливейшей стране,
Зовущейся по имени Россия.

«УНЫЛЫЙ ДОЖДИК! Снова грусть свою...»

Унылый дождик! Снова грусть свою
Спокойно с одиночеством поделишь.
Со стуком капель каждую струю
Ты отголоском прошлого заменишь.

Как часто мы решаем за себя
В потоке позабытых вожделений,
Не благодарствуя, не помня, не любя.
Средь суеты, забвения и лени!

Когда уже в камине нет тепла
И уголёк последний догорает,
Мы понимаем вдруг, что жизнь текла
И как могла для нас подчас старалась.

И твой двойник, присевший у окна,
Шепнёт тихонько, к горлу комом подступит:
«Пусть всё решал ты, но теперь сполна
Твои старанья жизнь тебе окупит.

Ты с полной чашей терпкого питья.
Всегда с тобой согласие с тобою.
Но чуть жива в груди душа твоя,

Израненная вся твоей судьбою».

О дерзкий, о безжалостный двойник!

Осознанный невежда и учитель.

Не дождь к стеклу оконному приник —

Пришла Любовь, и раб твой, и властитель.

«Над Невою Ростральные дивы...»

Над Невою Ростральные дивы.
Над Россией Санкт-Петербург.
Здесь не Турция и не Мальдивы,
Здесь работал другой драматург.

Мы как лошади скачем куда-то
По отмеряннм Богом полям.
И бросаем квартиры и хаты,
И с терпеньем нас носит земля.

Но когда сменишь солнце и небо
В Сингапуре ли, в Праге ль, в Симле,
Или там, где ни разу ты не был
На огромной и круглой Земле,

Вспомнишь бабочек белых, капустниц,
Покрывающих лужи собой,
Вместе с мякотью розовых устриц
И бегущей шпаной за тобой.

Эй, душа! Принимай полстакана —
То, Боженька щедро подал
Под твореньем руки Монферрана
Иль вдали, где грустит Таж-Махал.

Мне б пройтись красотой по уродству
И отмыть все грехи не спеша.
И Эдем, как Любви первородство,
Выпьет весь, не пьянея, душа.

Бог юродивых любит и пьяниц,
Больше всех же он любит детей.
Словно милость Божественной длани
Нам дарован был мир во Христе.

Потому мы летаем по свету
От Шанхая до горных вершин,
Ищем в гордом сознании отпетом
Состояние детской души.

Надо нам по кусочку Сахары,
По глотку небоскреба Дубай,
И Европы полпорции старой,
И обнять, словно брата, Валдай.

Только там, в забвении созерцаний
Рукотворных красот и чудес,
Он стоит на коленях лобзаний —
Наше я, наш близнец и наш бес.

Только там мы становимся чище,
И слеза пробивает порой,
Оставляя всё лучшее выше

От всего, что нам служит игрой.

Всё равно, что любить, только б верить,
Что безбрежный и вечный покой
Начинается с Родины, с меры,
Отщепенной детской рукой.

«Ты будешь мечтать о родимых стенах...»

Ты будешь мечтать о родимых стенах,
Что волос твоих запах хранят.
Так ждали сограждане Рима
Свои легионы с победой назад.

Дела, и успехи, и слава —
У сердца виньетки спокойствия свет.
Уедешь, в чужбине оставив,
Минувших имён и событий букет.

Прикажешь им всем: «До свиданья,
Быть может когда-нибудь свидимся вновь!»
Возьмёшь ли с собой на прощанье
Их радость, тепло и любовь?

Но в книге твоих посещений
Останется там, меж листами, цветов
Восторгов, и встреч, и прощений,
Не ставший судьбою разлуки урок.

«Я уже не голодаю...»

Я уже не голодаю,
Ем и торт, и колбасу.
Мне кайфово, хоть и знаю,
Что ответственность несу

За крутые килограммы,
За бойкот анорексий.
Что там муж, свекровь и мама —
Колбаса мой эликсир!

Тело стало всё упругим,
Гладким, свежим, как арбуз,
Что там в мыслях у супруга,
Пофиг мне мой лишний груз.

А ещё пивком под вечер
Пробавляюсь иногда,
Ведь заняться больше нечем,
Пиво – то же, что вода.

Я всё больше округляюсь
И добрею на глазах.
И всё тоньше разбираюсь
В бутербродах, колбасах.

Что там дальше с нами будет,
Знает только Бог один.
Аппетита не убудет,
Он мой главный господин.

Всё трещит по швам на теле.
Холодильнику хана.
А зачем на самом деле
Наша жизнь ещё дана?

Организм я свой лелею!
Все продукты – на г-но!
Ведь пока толстяк худеет,
Тонкий сдохнет уж давно.

«Нам в восемнадцатом году ввели чемпионат...»

Нам в восемнадцатом году ввели чемпионат,
Чтоб каждый вдруг счастливым стал
как истинный фанат.

И мы поплыли на волне, правительству простив
На время правду о войне и санкции забыв.

Нам первый гол в мозги забил бензиновый прикол,
Вторым к реформе пригвоздил нас пенсионный гол.

Такая классная игра! Истеблишмент ведёт.
Теперь ведь старость, как вчера, народу не грядёт.

Чапаев Вася говорил – не надо помирать.
Медведев Дима порешил – нам век теперь играть.

Пока играешь – малый спрос. Гол забивай в ответ,
Но Бог избавь играть всерьёз – ведь старости же нет!

Мы сможем старость попить:
– в России жизнь легка!

Но будем гордо умирать в полях и у станка!

«Унёсшие тепло камней сомкнулись капли...»

Унёсшие тепло камней сомкнулись капли,
Бессмертие воды ручьями подтвердив.
Но тучи быстро их количеством иссякли,
В своих телах прорехи с солнцем породнив.

А ты ярмо невыразимости отринешь,
С дождём симфонию небес сыграешь вновь.
И бесшабашность, как заначку детства, кинешь
На улицу вселенной, где жила любовь...

Пусть среди летних гроз седой мальчишка скачет,
И счастье падает на голову ему
Средь смеха, суеты, любви и плача,
К беспечной радости и сердцу, и уму!

«Я сквозь столетия Вселенной...»

Я сквозь столетия Вселенной
Зачем-то появился здесь,
Чтоб видеть этот мир нетленный,
Зарю и солнце средь небес.

И цепи гор, и берег моря,
И желтолицую луну.
Бегу, счастливый, с ветром споря,
И в звонком воздухе тону.

Но одному мне не под силу
Враз столько счастья унести.
И я дарю всё это милой,
Чтоб дальше нам втроем идти.

Возьми, родная, эти реки
И свет звезды в ночной тиши.
И сквозь опущенные веки
Душой признание напиши.

Ведь это чудо – жить на свете
И знать Божественную весть:
Зачем нам все, коль на планете
Мы друг для друга просто есть?

Когда без слов, без обещанья
Сияет твой прекрасный лик,
Меж нами каждый миг – прощанье,
Меж нами встреча – каждый миг!

«Ты устал, всё приелось до чёрта...»

Ты устал, всё приелось до чёрта,
И ватсапу как другу не рад,
И от горечи пухнет аорта,
И глаза на себя не глядят.

Как туманом, бело и неспешно,
Заполняется грустью душа
И в размеренности безутешной
Скрипнет боль, ностальгией дыша.

Нас вели на работы дороги,
Развозили машины вчера.
На сегодня осталось не много —
Не работая, жить до утра.

Но порою, как капли абсента,
Словно тайный внимательный взгляд,
Как в Божественном эксперименте,
Нас уводит дорога назад.

Жизнь другая за тем поворотом.
Там, конечно, всёё вовсе не так.
Ждать не надо неделю субботы,

Пить свой кофе с утра, натошак.

Там растут высоченные сосны,
Полыхает багряный закат,
И в траве, бесконечной и взрослой,
Как дитя заблудиться ты рад.

Там, за тем поворотом событий,
Дольше вечности тянется день,
И стоит, тёплым солнцем облитый,
Среди леса счастливейший пень.

Помнишь, там мы грибы собирали?
Мама рядом была и отец.
И, счастливые, не замечали,
Что дороже нет в мире сердец.

А вдали колокольчиком лета
Заливались друзей голоса.
Как же быстро те песенки спеты!
Как светла той поры полоса!

Не дойдя поворота, мы жили,
Не оглядываясь вновь и вновь.
А ещё мы с тобою дружили,
Возвращая друг другу любовь.

Пусть устал ты, пусть даже не в радость
Путь твой круто судьба повернёт,

Но спокойно, как нить Ариадны,
Твоё сердце войдёт в поворот.

«Сегодня, впрочем, как вчера...»

Сегодня, впрочем, как вчера,
Лениво завтра в прошлое уходит.
И лунный диск, упитанный с утра,
Под вечер отощавшим сыром бродит.

Особенность воронок фонарей
Использует умело сумрак ночи,
Располовинивая дни календарей,
Свидания любовникам пророча.

Халявно канителится молва,
Меня беруши ночей на гласность,
А вслед ей шепчет глупая трава,
Виясь у ног фигур, ища причастность.

Зажмурив веки, высунуть в окно,
Что называем краешком Вселенной.
Оставлю съемки старого кино
На доброй на земле благословенной.

Хлебнувшая глоток любви душа,
Среди страданий утоливши жажду,
Без страха проживёт и без гроша,
На вечность не оглядываясь даже.

«Не до стихов! Нас умучила проза...»

Не до стихов! Нас умучила проза.
Ритмы не рифмы, дела не слова.
Мозгу поэзия вовсе угроза:
Нафиг стихи, ведь «живём одна»!

Проще, легко, без напряжения судачить:
Про Украину, про доллар с рублём.
Не до стихов, нам не выжить иначе,
Ведь одна мы на свете живём!

Дайте нам хлеба и зрелищ, как в Риме!
Мы не рабы, а рабы ведь – не мы!
Двадцать веков пролетели незримо,
И двадцать первый шлифует умы.

Не до поэзии! Денег нам мало.
В гаджетах ум растворяем весь день.
Жить только с ними нам лучше не стало.
Ну а стихи нам читать просто лень!

Пушкин и Байрон о помощи просят,
Бродский с Вийоном на полках лежат.
Лишь Вознесенский «Юноной с Авосью»

Оперой Рыбникова и отжат.

Пабло Неруда, Крылов с Мандельштамом,
И прорицатель Омар, и Шекспир —
Их имена как бессмертия драма,
Та, что играет, безумствуя, мир.

Мы не рабы, но свободою слова
Руки и головы истеблишмент
Вяжет всё туже нам снова и снова,
Как бессердечный тюремщик и мент.

Не до стихов нам, сидим в Интернете,
Чтиво мусолим доступно, живьём.
Фильмы, рекламы, все шоу, советы —
Ведь одна на планете живём!

В страхе, сомненьях, мечтаньях и боли
Мы проживаем свой праведный век.
Но ведь не хлебом единым и солью
Жив на прекрасной земле человек!

«Меня мучила язва...»

Меня мучила язва,
Я в больнице лежал,
По радио, как из таза, объявили —
Башлачев из окна упал.

Три сестры выли вместе —
Надька, Любка-Любовь
И Верка, от этой песни
И жилах стонала кровь.

В поле ветер мочился
Косоротым дождём.
Над страной флаг растления взвился,
И флагшток впился в разум гвоздём.

Отживала свой век эпоха
Диссидентства и очередей.
И без Сашки мне стало плохо
Среди каркающих вождей.

Приютил я свой разум у Бога.
Запечатал и душу, и рот.
И досталось нам так немного
Под первейшего быдла восход.

Тех, мочивших в сортире,
Рыжемастых воров
Мы впустили в квартиры,
Под истории кров.

И воскресшее иго,
Словно тесные башмаки,
Укороченным мигом сжало
Жизнь в кулаки.

Как тогда, накануне,
Мы всё знаем потом,
Были порваны струны,
Чтя их святость крестом.

Башлачев и Высоцкий,
Пушкин, Лермонтов и Вийон.
Жизнь поэта – пепла горстка,
Как совесть самих времен.

У судьбы нет иллюзий,
Есть начало, и есть конец:
Шар подкатывает к лузе
В бильярде небес Творец.

Сашки нет. Он оставил
Только шорох в небесной тиши.
Да в четвёртой октаве

Боль оборванной ноты души.

«Вдоль ручья растёт трава...»

Вдоль ручья растёт трава,
И грибы под соснами.
На траву идет братва
С вилами да с косами.

На беду ль, на счастье ли
Шёл к ручью напиться я,
Прямо с неба налегли
Журавли с синицами.

Всё мелькали вдоль ручья —
Выбери да выбери.
Загадал желанье я,
Оглянулся – стибрили.

А ручей как тёк, так тёк.
Сосны молча слушали —
То ли кто спустил курок,
То ль кого-то скушали.

Знать, не знаешь, где зарыт
Клад, судьбою посланный,
И корысти из корыт
Стоит ли он, Господи?

Что имеем, не храним,
Разбазарив, празднуем.
Почему-то всё одним,
А другим по-разному.

Что с того, коль поперёк
Всё ни к черту ладится?
А чертям и невдомёк,
Значит, сами справятся.

Подошёл я к ручейку,
На коленях выстрадал
И хвалебную строку
Словом Богу высказал.

А в ответ мне из ручья
Образина глянула.
То ль Господь был, то ли я,
То ль чертей собрание.

Не дождавшийся беды,
Подобрал колени я,
Зачерпнул святой воды
Вместе с просветлением.

Всё, загаданное мной
В ручейковой просини,
Было, не было весной,

Сбудется по осени.

Журавлей усталый клин
Полетел за вёснами,
А синички все мои
У ручья под соснами.

Вдоль ручья растёт трава,
И грибов немерено.
Эх, кружится ж голова
В осени потерянной.

«Она была интальей божества...»

Она была интальей божества,
Когда я был с ней рядом, испытал в себе блаженство.
И в этом есть отличие нас, как та вода,
Что обнажает в решетке несовершенство, —

Смеясь, сочится и ко дну прибьёт
То, что назначено стать мусором приборя,
Иль янтаря слезинкой редкою блеснёт,
Что пред добытчиком Фортуна приоткроет.

Но в этом смысл и совершенство бытия,
Влекущего несправедливость разделений, —
Там, где была инталья, там теперь лишь я,
Она ж сияет недоступною камеей.

«Некогда, некогда, некогда мне...»

Некогда, некогда, некогда мне.
Осени вёснам на смену грядут.
Летом мне некогда и по весне.
Зимы тем паче в работе пройдут.

Жизнь продолжается, птицы поют.
Ветры гуляют в горах и лесах.
Маки, пестрея, на склонах цветут,
И облаков белый клин в небесах.

Там меня нет, где покой и уют.
Здесь я лишь времени жалкий плебей.
Где ж ты, обитель моя, мой приют,
Чтоб отогреться душой средь скорбей.

В помыслах чистых, сторонка моя,
Я всё прошусь, устремляюсь к тебе.
И всё тоскую, мечты не тая, —
И всё бегу, отдаваясь судьбе.

Руки вплетаются в холки коней,
Что безоглядно несут меня вдаль.
Путь всё короче, а жизнь — всё длинней.
Что не вернуть — не забыть, и не жаль!

Поле и лесом, в жару, сквозь дожди
Каждое утро встречаю и жду:
Сбудется сон – я кричу: подожди,
Будущей осенью точно приду.

Трудно, и горько, и некогда мне
Слово держать под осенней луной.
И приготовиться к долгой зиме —
Дни коротать на сторонке родной.

«Отличники, приличники...»

Отличники, приличники,
Красивые наличники.
Как пряники медовые
И кнутики ивовые.
Там царство млеет правильно,
От неуков исправлено.
И всё в нём параллельненько,
И перпендикулярненько,
И образцоводельненько,
И не дай Бог вульгарненько.
Беспорно и безматерно
Не обойти, не выстрадать,
Как у попа на паперти
Икону Божью вытерти.
Кому-то всеу пукалки
В колеса палки ставили,
Но до последней буковки
С задачей кто-то справился.
Под клич победной оргии
В стекле увеличительном
Отличного немногие
Узрели в отличительном.
Отличники, приличники,
Красивые наличники!

Наличники красивые,
А стены несчастливые!

«В душах, твоей и моей, – единения сила!..»

В душах, твоей и моей, – единения сила!

Матерь история Дух Поколений по душам сверяет.

Слышишь – крепчает, летая над стонущим миром,

Мысль о свободе, и вере, и правде, пределов не зная!

«Тяжело одиночеству...»

Тяжело одиночеству
В поле шагается,
Но от имени-отчества
Мудрость познается,

Если верить и каяться,
Коль спотыкаешься,
Да бессонницей маяться,
Если стараешься.

В ту калитку подлунную
С воплями жуткими
Мы всё ломимся гуннами
Вечными сутками.

Нас, душою страдающих,
Ангелы, демоны
Обработают знающе
Скрепамы бренными.

За горами и временем
Тайны отроются.
Символ гордого племени
В землю зароется.

Из одежды изношенной
Платье не скроется.
А в душе, Богом брошенной,
Счастье не строится.

Лишь кто с совестью знается,
Тот и мается,
И второй раз рождается,
И не кается.

«Сойду на полустанке, чтобы снова...»

Сойду на полустанке, чтобы снова
Нечаянно знакомый взгляд словить,
Услышать в шутку сказанное слово
И в памяти ту встречу повторить,

Где тишиной вокзальчик отвечает,
Скамьи пусты, и на перроне дождь.
И только Бог один пока что знает,
Что ты уже навстречу мне идёшь.

Мелькает счастье, годы пролетают,
Заботы, дети, нежность и печаль.
Но так внезапно кто-то обрывает,
Волшебных нитей тонкую вуаль.

Когда беда с отчаяньем рассудят,
Придя неожиданно в неурочный час,
Мы понимаем, что живём, коль любим.
Что живы мы, покуда любят нас!

Отчаянье с тоской порою душат,
Но ангелы спускаются с небес,
И пропоют, и успокоят душу,

И унесут на крыльях в звёздный лес.

Не останавливайте время, не удастся!

Не стоит проживать былое вновь.

И сожаленью чтоб не предаваться,

Цените жизнь, и время, и любовь!

«В этой комнате нет и намёка...»

В этой комнате нет и намёка
На прослушку с фискальными съёмками.
Только стены легко и жестоко
Знают всё от подушек с потемками.

Потолок же, напротив, изучен
Смысл утратившими с блеском зрачками.
И дисплей телефона замучен
Никому не писанными строками.

А окно так предательски млеет,
Сквозь стекло пропуская видения,
Вожделенья волнительно сеет,
Укрывая надежду сомнением.

Незабвенность терзает, и душит,
И звучит тишиной, словно колокол,
Острой болью врывается в душу,
Как шаги по той прожитой комнате,

Как тот смех, что на детской площадке,
Где девчушка по прошлому катится
На простой деревянной лошадке
Под шуршащее памяти платье.

«Ты дышишь осенью позднейшей...»

Ты дышишь осенью позднейшей,
Ты грусть, гармония покоя,
О русский лес, душой вернейший,
Тебе судьбу вверяю стоя.

Шумишь ты кронами дубравы,
Лесной поникнув головою.
Когда-то берег этот правый
Был малолеткою – тобою.

Здесь мы росли корнями крепко,
Встречали гордо ветер воли
И постигали мудрость века,
Переплетая счастье с болью.

В осенний день, раскинув ветви,
Всю жизнь мою ты осеняешь,
Как жили мы с тобой на свете,
Листвой опавшей вспоминаешь.

«Однажды просто вызови меня!..»

Однажды просто вызови меня!
Молчанием почти и ад, и рай.
Разверзшись, небеса влекут, маня:
Вверх посмотри и слёз не вытирай!

Встань на восток в обители моей.
Песчинкой стань, пушинкою, листком,
Ростком смиренным, пробуй и сумей —
Стань розы красной нежным лепестком.

Почувствуй звёзд шуршанье в вышине,
Рычанье льва, гиены дикий смех,
Стань червем дождевым, понравься мне
И стань таким как все, одним из всех.

Земля пусть, небо, солнце, и луна —
Твой дом и кров – вселенная с тобой.
Ты носишь всё с собой, богат сполна —
К наитию привязанный судьбой.

Постой немного и со мной побудь.
Ты горд и одинок, и нем язык.
Не ведая, творишь, верстая путь,
Хоть отстоишь от истин каждый миг.

Когда ты грешен был и голосил,
Глотая слёзы в горе и беде,
Я делал так всегда, как ты просил,
И был всегда с тобою и везде.

Ты мог так часто обо мне забыть,
Скакал по жизни в суете мирской.
Я всё прощал, не уставал любить,
Оберегая твой земной покой.

Под звёздами постой и среди них
В огромной бездне мой поймаетшь взгляд.
Душой ты содрогнулся и утих,
Хотя ни в чём, ни в чём не виноват.

В тебе самом величественный храм,
В тебе самом я – вездесущий Бог.
Меня постичь ты можешь только сам,
А я насколько смог, тебе помог!

«Поверхность у стекла изрядно искажает...»

Поверхность у стекла изрядно искажает
Изображение того, кто за стеклом,
С тем отражением, что перед ним перемежает
И создаёт коллаж грядущего в былом.

Шаги прохожих, чей-то смех вдали там невозможны —
Звук не идёт в пространство за стекольный свет,
И вероятность осознания реальности ничтожна
Для глаз, что за стеклом, её как будто нет.

Возможность как упущенная впопыхах растрата,
Когда, не траясь в праздное, ты вдруг разбогател,
Хотя оплошностью своей, ни перед кем не виноватый,
Ты получил нечаянно взамен то, что давно хотел.

И вдруг сквозняк врывается в мечту прозреньем,
И шум шагов, и смех доносит из окна,
И представляет заоконное виденье,
И жизнь, что за стеклом течёт, уже слышна.

И дождь уже шумит, небесную лазурь на землю веет,
Подпрыгивая каплями на паперти из крыш,
Листва деревьев изумрудом зеленеет,

Где ты, с душою обнаженной, в окне стоишь.

Из струй, из тысяч звуков, запахов и света,
Природы бесконечности и сотворенья бег —
Сам вдохновенный мир рапсодией неспетой
Как нищий просится к нам в души на ночлег.

И брови вдруг украсят удивленье глаз улыбкой,
Когда окну нечаянно открыться суждено.
Быть может, иногда нам надо совершать ошибки
И в этот мир почаще открывать окно!

«Походку нам не изменить...»

Походку нам не изменить.
Не научиться по-другому
В свой медный колокол звонить,
Когда пожар бушует в доме.

Уже не стоит уступать
Капризам старую привычку
Сердце бедное трепать
От одиночества отмычкой.

Ведь ты, мой верный Звездочёт,
Мой величайший прорицатель,
Даруешь всё наперечет,
Судеб истерзанных ваятель!

Бокал наполнить прикажи,
Пусть сердце стрелы страсти мечет
Вино мне снимет груз с души,
И одиночество излечит!

Мандельштаму Осипу

Душа сжимается и плачет,
И колокольный бьёт набат.
А мог ли ты сказать иначе,
Поэт, не опустивший взгляд?

Тюремным стенам непосильно
Закрыть стихам твоим пути
В мир равнодушный,
Мир subtilный,
Позволивший тебе уйти.

«К нам приходит однажды пора...»

К нам приходит однажды пора —
Мы сверяем дорожные карты.
То, что было так важно вчера,
Вдруг ненужным становится завтра.

Мы несёмся по улице дней,
Наслаждаясь потоком событий,
Улетающим в царство теней
Из смердящего правдами быта.

Мы мечтаем, и любим, и ждём,
Негодуем, смеёмся и плачем,
Понимая: всё то, чем живём,
Ничего уже завтра не значит.

Восхитительный раут вчера
И чарующий запах жасмина,
Или майской календы жара
Растворится в декабрьской стыни.

Шорох платяица, рябь по реке,
Осознание до самозабвения —
Что осталось в остывшей руке
От вчерашней огромной Вселенной?

Наполняется памятью дом,
Настоящим беднеют квартиры:
Мы с собой ничего не возьмём
Из ушедшего в прошлое мира.

«Когда бы не было меня, светило бы светило?..»

Когда бы не было меня, светило бы светило?
А перед тем не расставался б с ночью день?
И дарвинской теории пришлось бы в жилу
Создать нас или Богу было б просто лень?

Когда б не я шагал по улочкам Арбата,
Когда б не мой башмак в брусчатку мостовой
На киевском Крещатике свой след впечатал
По направленью однозначному – домой,

Обрадовался б влитый в бронзу Окуджава
Прикосновению признанья рук моих?
Прибавило б России горделивой славы
Моё познание чужеродства среди своих?

Когда б я не вдохнул тумана на Тянь-Шане,
Не выучил урок английского назло,
Кто б пожалел тогда эвенкского шамана,
Которому всю жизнь шаманить подвезло.

Когда бы не было меня, меня б не знали
Друзья мои, как знали братья по крови.
И среди застолья мне б тосты не доверяли

Сказать в их честь о дружбе и любви.

Когда бы не было меня, как жил бы город,
Где жизнь течёт от свадеб до скорбей,
И пролетала б в небе высоко и гордо
Над ним под вечным солнцем стая голубей?

Когда бы не было меня на этом свете,
Мерцал бы Млечный Путь, сияла бы Луна?
И чаши океанов голубой планеты
Иссушены до праха были бы, до дна?

Когда меня не будет, всё куда-то канет,
Останется ли от меня хоть что-нибудь?
Хотя бы малая частица без названья
Продолжит на земле оконченный мой путь?

Когда меня не будет, время в хаос, в вечность,
В ничто повергнет, оборвёт сознанья нить.
И только Бог один останется беспечным
И вновь построит мир, в котором можно жить.

«Я никем становлюсь каждой ночью во сне...»

Я никем становлюсь каждой ночью во сне,
Вся Вселенная прячется на ночь во мне,

Из меня каждым утром выходит вовне,
И висит предо мной, как панно на стене.

В бесконечном бассейне из звёзд и планет
Растворил мой Создатель свой вечный секрет:

Чем я был, что я есть, что же будет со мной
И конечен ли путь мой под этой луной?

Что ж, дыханье своё растревожа в груди,
Тьму веков обгону, что текут впереди,

В этот чудный элизиум сна и теней
Я войду, как когда-то влюбленный Орфей

Чтоб принять это бремя, забывшись в тиши,
И к звезде притулиться комочком души.

«Мы помним всё! Давно и безнадежно...»

Мы помним всё! Давно и безнадежно.
Всё продолжаем верить в чудный миг,
Когда прощение приговорит к надежде
И оживит умолкнувший язык.

Прощенья просим и прощаем сами,
Но жжёт порою воск сгоревших свеч.
Прощённые, простившие умами,
Мы сердцем ищем продолженья встреч!

«Был я женщиной в прошлой своей ипостаси...»

Был я женщиной в прошлой своей ипостаси,
Танцовщицей индийской со смачными сиськами,
И горел в погребальном костре Варанаси,
И скитался с душою, поющую дискантом...

Я в чулане времён затерялся, как ветер.
Ждал у моря, искал кахетинское чудо.
И бродил пилигримом по белому свету,
Уходя в никуда, приходя ниоткуда.

Но истории ведь безразлично, чем занят
Внук казаха на горном прелестном джайляу,
Или докеры Потти, иль шлюхи Лозанны,
Иль китайцы с бесчисленным гласным «нихао».

Время всё проверяет на память и тщетность,
Успокоит, разбавит признание прозреньем,
И поделит имперские сны на дискретность,
И умножит страданья на зов вожделений.

Разум в смысл обращает сквозь прорези глаза
Сотворяемую всерукастым реальность,
Превращая в бессмысленность с тщетностью разом

Перестарившуюся девицу – фатальность.

Кто-то просто оставит бороздку из тени
И исчезнет бесследно ушедшим Вийоном,
Отбазлавшим без страха, упрека и лени,
И в земную траву упадёт несмышлённым.

Горе пухнет от слёз, смех искрится весельем,
Удивленье сменяется очарованьем,
Выпивает отчаянье терпкое зелье,
Одиночество дарит покой с осознанием.

Мирра слов остаётся обузой причастья,
Повисая над плотскою брэнною чашей,
Величайшею миссией вечного счастья
И великой душевной трагедией нашей.

Был я женщиной в прошлой своей ипостаси,
Танцовщицей индийской со смачными сиськами,
И горел в погребальном костре Варанаси,
И скитался с душою, поющею дискантом...

«Прошёл Новый год, повторился как данность...»

Прошёл Новый год, повторился как данность,
В обыденность вдруг превратившись так странно.
И детское счастье, как чудное чудо,
Ушло в никуда, как пришло ниоткуда.

Искрящейся магии Деда Мороза
Под ёлочкой ждать мне уже слишком поздно.
Прошёл Новый год, не грусти, моё сердце!
Тебе всё труднее мечтою согреться:

Так много веселий и бед отстучало,
Ещё не устало, но взрослым не стало.
Быстрее и тягостней движется время,
Порой превращая нам праздники в бремя.

Меняется время, меняется мода,
Меняются люди, мечты и погода.
Меняются листья на ветках деревьев
И птицы меняют красивые перья.

Меняется снег на грозу первая,
Полёт журавлей направленье меняет.
Меняется лето на осень, а зимы

На весны сменяются неудержимо.

Считаем мы их от страницы начальной,
От той новогодней свечи беспечальной,
До гордых седин, до инсультов, инфарктов,
До самых конечных, свершившихся фактов.

Меня любовь на сомнений огарок,
Несеём воздаянье покорности в старость.
О сердце моё, не печалься, не сетуй!
В июле отпразднуем жаркое лето!

Весна нас порадует первой грозью,
И дождик исплachtetся тёплой слезою.
Пусть только Бог, сколько в жизни осталось,
Заменит унынье на детскую шалость!

И пусть каждый день новым праздником будет
Для малых и старых, для верящих в чудо!

**«Однажды утром
ты проснёшься...»**

Однажды утром ты проснёшься,
И солнца луч коснется век.
Глаза откроешь, встрепенёшься,
А рядом – близкий человек.

А для тебя он самый-самый —
Великий страж семейных уз,
Неразделимое начало,
Надёжный искренний союз.

Немного надобно для счастья,
Как хочешь это назови, —
Плеча мужского и участия,
Тепла, заботы и любви!

«Крестила мужа женщина с утра...»

Крестила мужа женщина с утра,
И отправляла рано на работу,
И, сонная, меж завтра и вчера
Стряхнув ночную сладкую дремоту.

И разливала запахи борща,
Как символ ожидания обеда,
От искуса и вкуса трепеща,
Пред чем не устоит и привереда.

Играл котёнок сам себе с клубком,
И в доме проживало тихо чудо:
Так форточка резвилась с ветерком,
Случайно залетавшим ниоткуда.

А по углам на цыпках домовый
Украдкой, словно зомби, мирно шастал.
Наличниками в ставнях имидж свой
Сам дом показывал и всем прохожим хвастал.

У дома, разметав вихры свои
И солнцу улыбаясь беззаботно,
Мальчишка сел на краешек скамьи,

Приладивши подкову на ворота.

А Бог, всё это видя с высоты,
Нарисовавшись в деревенском небе,
Пролил на землю ливень чистоты,
Наверное, давно в деревне не был.

И, наблюдая голубей полет,
Что свисту пацанов повиновался,
Подумал, улыбнувшись вдруг: «Ну вот!
Неплохо я для счастья постарался!»

«Мы часто в суете беспечной...»

Мы часто в суете беспечной
Торопимся, нас время мчит.
Зачем? Ведь наша жизнь не вечна,
И, может, надо просто жить?

Жить, просыпаясь рано утром,
И в свете солнечных лучей
Вдруг осознать земную мудрость —
Мы на одной Земле. Ничьей!

Сейчас и здесь! О человеки!
Над нами властен только Бог.
В какой-то год, в каком-то веке
Наш мир прекрасным он сберёг.

О люди мира, оглянитесь!
Нет на Земле у вас врагов.
Вы только за руки возьмитесь —
Они у вас не для оков.

Подайте голос за планету,
Подайте голос за мечту,
За жизнь на этом белом свете,
За мир, любовь и красоту.

Мы неделимость мира делим:
А он один, в нём мы – одни.
Как в детстве маленькие дети —
Считаем до взросленья дни.

Ломаем алчностью и силой
Покой и счастье мирных дней.
А на Земле, что нас взрастила,
Добра всё меньше в нас видней.

Гнобят Америка с Европой
И троллят дерзких россиян,
Не внемлют мировые копы,
Что долг их будет им воздан.

О, сколько горя на планете!
Разруха, голод и разбой.
И умирают в муках дети,
И льется кровь, и длится бой.

Одним бессовестная праздность,
Другим рожденье в нищете.
Убейте зло, умерьте жадность
И искупайтесь в доброте.

Поляк, метаниями между
Ума с приبلудной головой,
Прибалт, охрипший от надежды,

Спасают в НАТО копчик свой.

Туда ж болгары и румыны,
Крестясь на сорок первый год,
Под вой плебеев с Украины
Nach Ost приодобряют ход.

Волна истерик СМИ гнусавых
Втоптала в грязь прекрасный мир,
В котором лишь одна держава,
В котором лишь один кумир.

Над всеми нами – честь и совесть.
Над нами – Бог и лишь одна,
На всех одна земная повесть —
Одна планета нам дана.

Мы тратим время по штрихкоду
В анабиозе и бегах,
Не внемля разуму природы,
В деревьях, звёздах и цветах.

Когда исчезнут баррикады,
Когда умолкнут все бои,
Хочу, чтоб озаряла радость
Сердца людей, друзей моих!

Исчезнет злоба, месть и войны,
И пусть сбывается мечта,

Где мир прекрасный, мир достойный
Спасёт любовь и красота!

«Я тебя за всё прощаю...»

Я тебя за всё прощаю
И прошу меня простить!
Мы, об этом возвещая,
Можем Богу угодить.

Коль душа простить не может,
То слова, как жбан, пусты.
Ведь её обида гложет
Без тепла, без доброты.

Хоть порой и зла не держим,
Словом всё спешим решать,
Остаёмся с сердцем прежним,
Не умеющим прощать.

«Ёлка снова прелесть...»

Ёлка снова прелесть,
И погода ништяк!
Куда ж Луна делась,
Кинув небо во мрак?

Перевернутые стаканы
Жёлтых фонарей
Обнаруживают изъяны
Воздушных дверей,

Открывающих взору
Ограничитель зрения
Темноту. Без укора,
Но и без сожаления.

Эта темень чиста
Без помарок звёздных,
Ведь Господь неспроста
Такой её создал.

Новогодние ледяшки
Как на шахматной доске.
Разыгрались в «догоняшки»,
Пляшут в скульпторской руке.

А над этим миром
Реет вечный свод —
Времени порфира —
Века – Новый год.

Вздригнешь под чертою,
Подытожив век,
Мыслею простою —
Как же быстр твой бег!

В микроскоп Вселенной
Смотрит Бог на нас.
Чистый и нетленный
Взор его как Спас.

Смотрит он лукаво
В створки тех дверей,
Видит бесноватых
Ледяных зверей.

Новый год встречаем
Словно дети мы,
Таинств ожидая
Средь седой зимы.

«О камни волны бились языками моря...»

О камни волны бились языками моря.
И, слизывая настоящее, они
Пододвигали глазу вечность, с ветром споря,
И оставались сами вечности сродни.

Взмывали в небо невидимками эфира,
И превращались в голубые облака,
И падали на землю во спасенье мира —
Была щедра Творца волшебная рука.

Так трогал океан морями землю нежно.
Ласкал и гладил ей крутые берега.
Она жила, вся окруженная безбрежно
Его заботой. Но душой была нага.

И ничего взамен не предлагала, гордо
Использовала преимущество своё
В геометрической размерности природы,
Вселенной, матерью, заложенной в неё.

Он отступил, остуженный её зимою.
Вместилищем бескрайности своей представ
Перед светилом, что взидало молча, стоя

Над суетой вселенской, светом свет поправ.

И высохла она под этим властным взором,

Открыта небесам, палимая лучом.

И стала ей гордыня немощи укором.

А он, безбрежный, оказался ни при чём!

«Сумасшедствующий ветер – гений...»

Сумасшедствующий ветер – гений
Отлетающих мыслей истек
В животворной утробе Вселенной
Сотвореньем, назначенным в срок.

В небытье ль мы себя устремляем
Иль реальность свою создаём,
Вожделеньями вдаль убегая
И мечты отдавая внаём.

Мы уже где-то есть, но другие —
Постаревшие телом своим.
Носим души всё те же – нагие.
Так же бодрствуем, дышим и спим.

Помещённые мыслью своею
В оболочку из будущих дней,
Мы порой обернуться не смеем,
Видим то лишь, что глазу видней.

Оглянись! Прочитай эту книгу,
Тот рассказ, что ты сам написал.
Про судьбы твоей путы-вериги,

Про дорогу, которой шагал.

Удивись покорённому чуду —
Ты ведь жил, ты дышал, ты любил.
Ворошил дней обыденных груды
И живым по планете бродил.

Не забудь, что в синеющей выси
Мысль выводит скрижаль как перо.
И, сплетясь воедино с той мыслью,
Сам ты с Богом играешь зеро.

03.03.2017, НК

«Всем народом на зарядку!...»

Всем народом на зарядку!
Ноги в руки, ать-два, марш!
Рассчитайся по порядку:
Кто здесь наш, а кто – не наш!

Кто в уныньи, Гуинпленом
Путь в улыбке рот дерёт —
Для весёлых каждодневно
Солнце бодренько встаёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.